

А Н Д Р Е Й С О К О Л О В

КЛАРЕНДОН И ЕГО ВРЕМЯ

Странная история

Эдварда Хайда, канцлера
и изгнанника

Р А Х В Р И Т А Н Н И С А

Pax Britannica

Андрей Соколов

**Кларендон и его время.
Странная история Эдварда
Хайда, канцлера и изгнанника**

«Алетейя»

2017

УДК 94(410)"16"
ББК 63.3(4Вел)-8

Соколов А. Б.

Кларендон и его время. Странная история Эдварда Хайда, канцлера и изгнанника / А. Б. Соколов — «Алетейя», 2017 — (Рах Britannica)

ISBN 978-5-906980-45-8

В книге доктора исторических наук Андрея Борисовича Соколова на фоне драматических событий британской истории середины XVII века рассматривается биография Эдварда Хайда, первого лорда Кларендона, политика и мыслителя. Как заметил один американский историк, «если бы не он, история Англия могла стать другой».

УДК 94(410)"16"

ББК 63.3(4Вел)-8

ISBN 978-5-906980-45-8

© Соколов А. Б., 2017

© Алетейя, 2017

Содержание

Введение	6
Пролог	13
Глава первая	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Андрей Борисович Соколов
Кларендон и его время: странная история
Эдварда Хайда, канцлера и изгнанника

© А. Б. Соколов, 2017

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2017

* * *

Введение

Начнем с фигуры, никакого отношения к герою этой книги не имеющей. В начале 1886 года шотландский писатель Роберт Льюис Стивенсон, известный всем как автор бессмертного «Острова сокровищ», опубликовал небольшую по объему повесть «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда», написанную, как считают литературоведы, под впечатлением «Преступления и наказания» Федора Достоевского. «Странной истории», которую иногда называли высшим достижением Стивенсона, выпала долгая жизнь, экранизировали ее десятки раз. Это повесть о Добре и Зле, о раздвоении личности, о том, что в одном человеке соединены две сущности. Доктор Джекил – образцовый ученый викторианской эпохи, воплощение джентльмена, мистер Хайд, его второе «Я», – грубиян и убийца, средоточие самого омерзительного, существо из лондонских трущоб, способное поднять руку на ребенка и в порыве ярости забить до смерти уважаемого члена парламента. Повесть Стивенсона интерпретировали по-разному: сама ее фабула подталкивала к фрейдистскому пониманию бессознательного как настоящей сущности человеческой личности. С позиции марксистского подхода мистер Хайд – выражение страха респектабельного среднего класса, к которому можно отнести самого Стивенсона, перед появлением гегемона-пролетария.

Не задаваясь анализом интерпретаций литературоведов, не могу отделаться от вопроса, на который не имею ответа. Почему Стивенсон назвал самого отрицательного персонажа, куда более отвратительного, чем пират из «Острова сокровищ» Джон Сильвер, именем и фамилией человека и политика, образ которого ассоциируется с лучшими чертами представителя английской нации? Литературный Хайд вспыльчив и неспособен держать себя в руках, настоящий Хайд, хотя бывал несдержан в разоблачении того, что считал людскими недостатками, кажется, по-настоящему потерял над собой контроль только однажды, когда узнал, что его дочь Анна тайно сочеталась браком с братом короля герцогом Джеймсом Йоркским. Мистер Эдвард Хайд не образован и не отесан, но сэр Эдвард Хайд — не только выдающийся политик, главной заслугой которого стало мирное восстановление монархии Стюартов в 1660 году, но и один из лучших умов своего времени, конституционалист, защищавший права и короля, и парламента, поборник веры и нравственности. Он – историк, впервые полно и систематично рассказавший о событиях, названных Франсуа Гизо позднее, в XIX веке, Английской революцией. Хайд Стивенсона агрессивен и безжалостен; Хайд исторический миролюбив, чужд насилию, он не участвовал в бесчисленных сражениях гражданской войны и не одобрял, по крайней мере, хотел показать, что не одобряет, политических убийств и жестоких казней. Список различий можно продолжить, однако понятно, что персонаж знаменитого викторианского писателя – антипод своему реальному однофамильцу. Невозможно предположить, что Стивенсон, писавший романы из английской истории, не знал о Кларендоне. Являлось ли достаточным основанием для избрания фамилии отрицательного героя повести ее звучание, связанное с английским глаголом *to hide* (скрываться, прятаться). Персонаж Стивенсона действительно укрывался в трущобах Сохо, или, если хотите, в потаенных местах души доктора Джекила. Почему Эдвард, Нэд? Не потому ли, что так звали легендарного вожака луддитов, разрушителей машин? Что это, шутка гения, или в использовании фамильного имени Кларендона есть «двойное дно», намек на то, что в самых внешне образцовых личностях есть глубины, в которые лучше не заглядывать?

Эдвард Хайд стал графом Кларендоном в 1661 году. Это звучит, как звон колокола, как напоминание о родном графстве Уилтшир – там, недалеко от Солсбери, в средние века стоял королевский охотничий замок. Титул Солсбери носили потомки царедворца Елизаветы и Якова I Роберта Сесила. Хайду досталось графское звание по названию этого места – Кларендон.

Читателям, знакомым с английской историей, название этой книги может показать знакомым. «Кромвель и его время» – так более полувека назад назвал работу по истории Англии XVII века видный советский историк Михаил Барг. Время Кларендона – это время Кромвеля, но включает еще шестнадцать лет, пришедшихся на начало Реставрации и эмиграцию во Францию. Можно ли назвать эпоху революции и Реставрации «временем Кларендона»? На этот вопрос можно ответить утвердительно по двум причинам. Во-первых, фигура Хайда почти сопоставима с Кромвелем, если сменить перспективу и взглянуть на ход событий, не оставаясь в рядах сторонников парламента и протектората, а перейти мысленно к их противникам. Однако многие кавалеры-роялисты, ненавидевшие его, не захотели бы согласиться с этим. Во-вторых, и это главное: истинным летописцем и первым историком той эпохи был Кларендон. В его «Истории мятежа и гражданских войн» и «Жизни Эдварда Хайда, графа Кларендона» есть неточности и односторонность. Кто бы спорил: они написаны с позиций его партии и небеспристрастны. Учитывать это должен любой исследователь. Но это не лишает его сочинения достоверности, степень которой каждый оценит на основе собственных методологических и историографических представлений.

Кларендон несправедливо оттеснен на задний план на сцене английской истории XVII века. В наши дни, когда революция как таковая перестала служить исключительно символом прогресса, а воспринимается одновременно как зло, инструмент разрушения и насилия, приверженность традиции, закону и порядку, ему присущая, заслуживает внимания. Если в истории есть эпохи, которые можно назвать переходными, то более чем столетнее правление Стюартов в Англии относится к их числу. Оно включило явления и события, которые историки разных направлений и взглядов определяют как переломные. К их числу относится Английская революция середины XVII века, которую марксисты характеризовали как буржуазную, установившую в Европе капиталистический порядок, и Славная революция 1688 года, занявшая ключевое место в либеральной концепции истории Англии как событие, обеспечившее переход к правильному конституционному устройству в этой стране. Годы Реставрации (1660–1688) также часто рассматриваются как переходный этап между этими ключевыми событиями британской истории. Хайд, игравший некоторую роль при дворе Карла I во время гражданской войны, был главным «переговорщиком» со стороны роялистов в 1660 году, обеспечив восстановление монархии, признание прав парламента и верховенства закона. По словам одного историка, «без него сам ход английской истории мог стать другим». Примечательно, что две внучки Кларендона стали королевами Англии.

К описанию жизненной истории Хайда можно применить прилагательное «странная» в старинном значении: удивительная, необычная. Судьба не всегда была к нему милостива: долгое изгнание в годы междуцарствия, изгнание и вынужденная эмиграция в последние годы жизни. В литературе и историографии он также остался куда менее приметным, чем яркие современники, такие как граф Страффорд, Оливер Кромвель, маркиз Монтроз, принц Руперт, оба Карла Стюарта и многие другие. Их в силу разных причин романтические образы «затмили» Кларендона, который даже внешне, плотный в молодые годы и толстый в зрелом возрасте, мало подходил на роль героя; он и был не героем на поле сражения, а бюрократом с твердыми политическими, религиозными и моральными принципами. «Герои», такие как его друг и кумир лорд Фолкленд, погибали в сражениях или на эшафоте, как другой его товарищ лорд Кейпл, были украшены шрамами от ран, ему же было уготовано долгие годы страдать от приступов подагры, иногда на несколько недель выбивавших из колеи. Он принадлежал к партии, которую называли «кавалеры», но как мало его образ напоминал их! Его деятельность была направлена на установление господства закона, твердого баланса между монархией и парламентом, сильной англиканской церкви. Его принципы и умеренная политика, в чем-то обогнавшие время, в конечном счете, оказались негодными для любой фракции. В лагере Карла I он считался слишком большим конституционалистом, а при дворе Карла II, отличавшемся

терпимостью и даже фривольностью, он вызывал раздражение осуждением морального разложения и нежеланием угождать окружению монарха. Кларендон был прагматиком, но он не был бессовестным царедворцем, принципы не были для него пустым звуком. В то же время, ставя себя выше большинства окружающих, и не без основания, он допускал, что людям свойственна доля беспринципности, готовность сменить точку зрения, в лучшую или худшую сторону, в зависимости от обстоятельств.

Кларендон был легок в общении далеко не со всеми. Он был подчас излишне прямолинеен, когда надо было промолчать или принять происходившее как данность, поэтому у него не было недостатка ни в друзьях, ни во врагах. С годами друзей становилось меньше, а врагов больше. Королева Генриетта Мария, жена первого Карла и мать второго, была в числе его вечных противников. Однажды она сказала о нем: «Если бы он считал меня шлюхой, то сказал бы мне об этом прямо». Склонность к морализаторству и нравованию, в конце концов, оттолкнула от него Карла II, что сыграло роль в падении его министерства в обстановке многочисленных обвинений. По мнению историка Х. Пирсона, он, по классификации Гиппократов, был холериком, как Петр I, Суворов или Пушкин: человеком порывистым и даже страстным, отдающимся делу, склонным к эмоциональным вспышкам [76, 81].

Кем же был Кларендон, «жирным стряпчим», как называли его враги при дворе, или, по определению писателя XVIII века Хораса Уолпола, «канцлером с человеческим сердцем»? Автор замечательного дневника той эпохи Самюэл Пепис писал о впечатлении, произведенном на него речью Хайда на заседании комитета Тайного совета в присутствии ряда министров и высокопоставленных чиновников: «Я в самом деле влюблен в Лорда-канцлера, поскольку он одинаково хорошо все схватывает и говорит, с величайшей простотой и убежденностью, какой я не видел ни в одном человеке за всю мою жизнь. Я не представляю, как можно говорить доступнее, со знанием того, что присутствующие скорее ниже его, чем наравне с ним. Он, в самом деле, говорит великолепно, его манера выступления свободна, будто он играет и просто информирует остальную кампанию. Это чрезвычайно привлекательно» [17, VII, 321]. Своим другом называл Кларендона другой знаменитый дайэрист, ученый Джон Эвлин. Он рассказывал, что в августе 1662 года его посетил канцлер в церемониальном наряде, с мешком и жезлом, а также с супругой: «Они были очень веселы. Они для нас, как родные. Мы давно знакомы, со времен изгнания. Он и в самом деле великий человек, который всегда был моим другом» [13, II, 351]. В то же время в любой период жизни Хайду хватало врагов, сыпавших обвинениями в его адрес. Апогеем ненависти стала попытка парламентского импичмента, от которого он спасся бегством.

Оценки Кларендона историками различались, как и у современников. Критическое отношение к нему сформировалось в либеральной историографии XIX века. Ее знаменитый представитель Томас Маколей писал: «Уважение, которое мы справедливо питаем к Кларендону как писателю, не должно заслонить нам ошибок, которые он совершил как государственный человек». Как можно понять этого историка, первой ошибкой Хайда было то, что он вступил в конфликт с Долгим парламентом и затем «следовал по стопам двора». Новые ошибки были совершены, когда после реставрации он стал канцлером: «В некоторых отношениях он весьма годился для своего высокого поста. Никто не сочинял таких искусных государственных бумаг. Никто не говорил с таким весом и достоинством в совете и в парламенте. Никто не был так хорошо знаком с общими правилами политики. Никто не подмечал особенностей характера таким разборчивым глазом. Нужно прибавить, что он отличался сильным чувством нравственной и религиозной обязанности, искренним благоговением к законам своего отечества и добросовестным попечением о чести и интересе короны. Но нрава он был угрюмого, надменного и не терпящего оппозиции. Прежде всего, он был изгнанником, и одного этого обстоятельства было бы достаточно, чтобы сделать его неспособным к верховному управлению делами. Едва ли возможно, чтобы политик, принужденный государственными смутами бежать из отечества

и провести несколько лучших лет жизни в изгнании, годился, в день своего возвращения на родину, занять место во главе правительства. Кларендон не был исключением из этого правила... Для него Англия все еще была Англией его молодости; и он сурово хмурился на всякую теорию и всякую практику, возникшие во время его изгнания» [127, 170–171]. В основе неприятия Маколеем политики Реставрации лежит идеологема либерально-вигских историков XIX века: в эпоху парламентских реформ и возрастания роли парламента в викторианской Англии они смотрели на Долгий парламент и круглоголовых как на своих предшественников и приписывали им историческую правоту.

Следовательно, иная, враждебная революции сторона, рассматривалась как реакционная и препятствующая общественному прогрессу. В этом корень критики Кларендона вигами. Критика его как политика шла об руку с критикой его как историка.

Напротив, в консервативной традиции Кларендон рассматривался как выдающийся государственный деятель своего времени, противостоявший не только радикалам, политическим и религиозным, но и реакционерам, составлявшим большинство в Кавалерском парламенте, которые мечтали взять полный реванш. В целом положительные суждения о Кларендоне можно найти у видных консервативных историков Кейта Фейлинга, Джорджа Кларка, Хью Тревор-Ропера, у некоторых представителей ревизионистской историографии. Один из ведущих биографов канцлера Брайан Уормолд замечал: «Старые виги обвиняли Кларендона в авторитаризме. Галлам утверждал, что он был неспособен управлять свободной нацией. Маколей обвинял в склонности к угнетению и фанатизму. Кларендон действительно принял и поддерживал режим Реставрации и церковь Англии. Однако это никак не доказывает его авторитаризма. Жестокие законы в пользу англиканской церкви ввел парламент вопреки желанию и короля, и канцлера... Он всегда был приверженцем свободы и конституции» [111, XXX–XXXII]. Как полагал Р. Харрис, оценки людей и политика Кларендона целиком вытекали из того гуманистического духа, который он впитал в молодые годы в кружке Грейт Тью. До нашего времени его книги остаются «бесценным источником, и никакая работа об этом периоде не может быть написана без величайшего внимания к его суждениям» [48, 393–394]. С симпатией писал о Хайде его биограф Ричард Оллард. По его мнению, на всех этапах дружба была для него основой морального порядка и мерилем отношения к проблемам окружавшего мира.

В отечественной литературе оценки Кларендона как историка столь же диаметрально-образом отличались. Автор раздела по английской историографии в учебнике, вышедшем в 1967 году, Н.А.Ерофеев видел в нем представителя «крайне правого, монархического лагеря», сформулировавшего «крайне примитивную ультрареакционную концепцию, которая «весьма несложна» и сводится к тому, чтобы «вычеркнуть само понятие революции из истории Англии», вкупе со стремлением оправдать собственную политическую деятельность [140, 43]. Автор другого учебного пособия, опубликованного в 2009 году, Н. С. Креленко отмечала, что Кларендон, будучи близок к традициям «политической школы Макиавелли, «обладал даром наблюдать и обобщать свои наблюдения, оставил действительно бесценные характеристики тех, кто тогда «делал историю». Она видит в нем предшественника Просвещения: «В отличие от многих современников Кларендон не уделил особого внимания религиозному фактору в событиях эпохи гражданских войн. Ведь это было общество, мыслившее категориями и понятиями, взятыми из Библии, и объяснить биение пульса общественной жизни без учета этого фактора трудно. По сути Кларендон в своем отношении к религии предвосхищает просветительский подход к этому вопросу. Этот сугубо рационалистический подход сделал Кларендона автором, вполне приемлемым в глазах «философствующих историков» XVIII в.» [123, 34–35; 124, 38]. Вряд ли можно согласиться с тем, что вопросы религии были для него вторичны: сама интерпретация гражданской войны строится во многом на неприятии им пресвитерианства и католичества. Забота об интересах англиканской церкви, в том числе материальных, всегда была для него приоритетной. Выступая в Конвенционном парламенте, он говорил: «Всемогу-

щий Бог не стал бы тратить столько средств и сил на такое избавление, если бы не делал это ради церкви, весьма для него приемлемой». К. Хилл заметил по поводу этой фразы, что «аргумент о допущении Богом больших издержек был, должно быть, весьма приемлемым для его аудитории» [146, 293]. В то же время он действительно прорабатывал некоторые идеи, оказавшиеся затем в багаже Просвещения, и одно это не позволяет навешивать на него ярлык реакционера.

При написании этой книги ставились три главных задачи. *Первая* решается при создании биографии любой исторической личности – понять мотивы, двигавшие поступками героя, уловить его психологический склад. Без этого описание действий и обстоятельств будет неполным и формальным. При реализации этой задачи в нашем случае есть трудности и преимущества. Трудность в том, что герой принадлежит к определенной социальной группе, к другому времени и другой культуре. Непросто представить себя английским джентльменом XVII века, являвшегося и баловнем, и изгоем, однако нет иного способа решить теорему Хайда. Философ и историк Коллингвуд утверждал: «Всякая история есть история мысли». Чтобы понять действия героя, надо попробовать представить себя на его месте, надо попробовать думать так, как думал он, искать решения так, как мог искать он. Однако, к счастью, есть и преимущество. Оно состоит в том, что Хайд не относился к категории «молчаливого большинства». Наоборот, его историографическое, философское и теологическое наследие огромно. Более того, во всех произведениях отчетливо проявляется его собственное «Я».

В каких-то чертах я пытался взглянуть на своего героя через призму собственного характера. Как утверждал немецкий мыслитель Вильгельм Дильтей, чтобы понять людей и события прошлого, историк может надеяться, в основном, на собственную интуицию. Хайд был одним из самых одаренных людей своего времени, он осознавал эту одаренность и не считал нужным ее скрывать, в том числе от тех, кто был, по меньшей мере, не ниже его по социальному положению. Окружающие часто мстят тем, кого считают «слишком умными». Хайд бывал излишне прямолинеен, что принимается за заносчивость. Труднее принять его морализаторство и строгость требований к «двуногим существам, именуемым людьми» (выражение Дэвида Юма). Впрочем, пусть бросит камень, кто сам без греха: многие склонны разоблачить чужие пороки, настоящие или надуманные, легко прощая прегрешения себе. Плоть от плоти представитель высшей касты, он жил ее заботами и привилегиями, оставаясь равнодушным к народной жизни и не призывая к «милости падшим».

В Хайде мне импонируют его методологические позиции и мастерство историка. Будучи воспитаны в духе позитивизма и марксизма, мы ощущаем дискомфорт, если не силится утвердиться в историзме и существовании законов истории. Кларендон писал в традиции античной и гуманистической историографии: ход истории определяется поступками людей, которые могут быть достойными или дурными. Характеры влияют на их действия, поэтому во многих временных точках история многовариантна, она не запрограммирована изначально на конечный реализованный результат. История слишком сложна и непредсказуема, чтобы извлекать из нее однозначный ответ: что правильно и что неверно. Будучи убежденным, искренне верующим членом англиканской церкви, Хайд не сторонник провиденциализма. Идею божественного вмешательства в ход истории он озвучил только в одном случае – пытаясь объяснить столь чудесное для современников, и, видимо, в его собственных глазах, почти бескровное возвращение Карла II Стюарта на отцовский престол. Памятуя о цикличности, нельзя ли предположить, что после полутора веков господства научной историографии общество больше нуждается не в ее законах, способных оправдать все, даже самое преступное, а в моральных уроках, которые не убрать из памяти последующих поколений?

Вторая задача, стоявшая при написании этой книги, состояла в том, чтобы, насколько возможно, дать читателю представление о времени, когда жил Хайд. Это не значит, что у автора было намерение перенести акценты, например, оправдывая роялистов и осуждая пар-

ламентскую партию. Речь не идет о том, чтобы окрасить белое в черный цвет и наоборот. Я исхожу из убеждения: каждый историк и каждый читатель вправе интерпретировать исторические события так, как ближе его сердцу и разуму. В то же время нельзя игнорировать того, что разные времена порождают разные идеологические конструкты. Марксистский дискурс советской историографии «предписывал» оценивать революции сугубо положительно как «локомотивы истории», как двигатели общественного прогресса. Нынешний консерватизм и «борьба с экстремизмом» предполагают смещение оценок. Каковы границы, каждый решит сам. Я только пытаюсь дополнить традиционный для отечественной историографии нарратив фактами и суждениями о британской истории XVII века, которые пока не были в должной мере артикулированы. Отсюда взгляд на гражданскую войну из лагеря кавалеров, отсюда внимание к роялистской эмиграции, отсюда попытка отойти от оценки периода Реставрации как времени господства реакции. Жанр этой книги – на стыке популярного исследования и научной монографии. Мне не хотелось загружать книгу «научообразием», но я считал необходимым представить в ней отдельные историографические дискуссии и разнообразие точек зрения историков.

Третья задача вытекает из подхода Кларендона, создавшего литературную коллекцию портретов современников. Может показаться, что книга несколько перегружена именами, а приведенные в ней краткие сведения о тех, чьи судьбы пересеклись с судьбой Хайда, не так важны. Извинением служит то, что многие из этого ряда фигур британской истории пока не привлекли особого внимания российских авторов. Мы по-прежнему в основном в кругу имен, очерченном нашими предшественниками, советскими англоведами, и это имена из революционного лагеря.

Использованные источники хорошо известны специалистам, писавшим о Кларендоне и о его времени. Прежде всего, это сочинения современников, в первую очередь, самого Кларендона. Он писал «Историю мятежа и гражданских войн» во время двух изгнаний, между которыми двадцать лет. Сначала он воспринимал будущее произведение не как автобиографию, а как максимально достоверное описание событий. Во второй эмиграции во Франции он начал с составления «Истории жизни Эдварда, лорда Кларендона, от рождения до реставрации королевской семьи в 1660 году», то есть автобиографии для семьи, с которой мечтал воссоединиться. Получив от сына Лоуренса рукопись оригинальной «Истории», он смог вернуться к первоначальной идее и соединил разделы, написанные на острове Джерси, с разделами «Истории жизни», добавил новые разделы с главным намерением – отойти от личной перспективы в изложении. В 1672 году окончательный текст «Истории мятежа», состоящий из шестнадцати книг, был закончен. «Вечный спор» о степени достоверности этой великой работы продолжается больше трех столетий со времени появления публикации первого тома в 1702 году. Знаменитый мемуарист епископ Гилберт Бернет так отреагировал на это культурное событие: «Первый том «Истории» графа Кларендона дает правдивое описание начала бед, хотя написан в защиту двора, и содержит много оправданий плохого, на что тот был способен» [1, I, 53]. «Продолжение жизни Эдварда, лорда Кларендона», содержавшее описание периода канцлерства, преследовало, в первую очередь, личную цель – защититься от обвинений, приведших к бегству из Англии. Помимо этих, первостепенных для создания биографии Хайда источников, были привлечены другие его произведения, в том числе, официальные прокламации, которые он составлял для Карла I, а главное – философские, богословские и политические сочинения, написанные им, по большей части, незадолго до смерти, в годы второй эмиграции.

К этой же группе относятся мемуары и дневники современников, тех, кто знал Хайда. Это были люди, принадлежавшие к разным лагерям разделенной Англии. Их судьбы и отношения с Кларендоном складывались по-разному. Особую значимость эти свидетельства имеют, когда речь идет о его канцлерстве в годы Реставрации. Первым назовем Балстрода Уайтлока: близкий и любимый друг Хайда, ставший врагом, сторонником Долгого парламента и сподвижни-

ком Кромвеля. Оба стали первыми историками события, которое потомки назовут Великой Английской революцией. Труд Уайтлока «Мемориал об английских делах от времени правления Карла I» лишен анализа, сделавшего «Историю мятежа» великой исторической работой, но это добротный и исключительно важный источник. В нем есть строки, позволяющие заподозрить канцлера в коррупции и стремлении нажиться за счет прежнего друга. По словам российского литературоведа, Уайтлок, «безусловно, дайэрист, но весьма своеобразный: он до такой степени «лорд», «дворянин», «государственный муж», что не может поступиться своим «Высочайшим» достоинством даже в дневнике. Ни разу он не позволяет себе проявить какое-либо чувство: радости, огорчения, досады, недоумения, разочарования. Он не знает, что такое вопросительный или восклицательный знак, и в конце предложения или периода неизменно ставит точку» [134, 44–45]. Стиль Кларендона куда живее: иногда он пафосен, но чаще эмоционален, ироничен, даже насмешлив. До революции Хайд и Уайтлок были в отношениях, называемых «лучшие друзья». В эссе «О дружбе» Хайд утверждал, что один из принципов, определяющих отношения джентльменов, в том, что если друзья расходятся, то никогда не злословят по отношению друг к другу. К числу врагов Хайда относится супруга полковника Хатчинсона Люсиль, написавшая мемуары о жизни своего супруга, которого она, несомненно, любила и хотела, пользуясь связями при дворе Карла II, спасти после реставрации. В них можно найти довольно едкие суждения о канцлере.

С иных позиций о нем писали два знаменитых современника: ученый, придворный и друг Джон Эвлин и ученый, во времена канцлерства Хайда чиновник Адмиралтейства, Сэмюэл Пепис. Дружеские отношения с канцлером установились у Эвлина в годы эмиграции и сохранялись до самого второго изгнания Хайда. Он всегда называл его «большим другом» и считал выдающимся государственным деятелем. Он осмеливался посещать дом Кларендона в недели опалы до его бегства в ноябре 1667 года. Возможно, он был одним из друзей, советовавших ему спастись, покинув страну. Так же высоко оценивал его Пепис, подчеркивавший глубокое понимание им государственных дел, его высокую квалификацию как юриста и способность убедительно и доходчиво докладывать окружающим свою точку зрения и аргументы. Впрочем, считал Пепис, людям иногда казалось, что превыше всего он ставит себя и свою логику.

Несколько отличалось отношение Бернета, знавшего Хайда меньше, чем эти двое, писавшего окончательный вариант мемуаров уже в начале XVIII века. Хотя он не делал прямых выпадов, но есть ощущение, что Кларендона он недолюбливал. Отчасти это объясняется тем, что Бернет происходил из Шотландии, а отношение Хайда к шотландцам было, мягко говоря, не самым доброжелательным, особенно в годы гражданских войн и междуцарствия. Бернет писал: «Он давал королю много мудрых и хороших советов, но делал это с видом управляющего или юриста» [1, I, 160].

Весьма информативны парламентские бумаги. В многотомное издание, опубликованное в XIX веке У. Коббетом, включены отрывки из дебатов в Долгом парламенте, в котором участвовал Хайд. Особое значение имела работа с четвертым томом, в котором представлены документы периода его канцлерства. Например, они позволяют проследить, как готовился импичмент. Разнообразные по характеру источники опубликованы в сборниках, один из лучших впервые опубликованный в XIX веке «Календарь государственных бумаг». Некоторые использованные источники не связаны с удивительной карьерой Хайда прямо, но проливают свет на его время.

Пролог

Пролог – это о том, что предшествовало началу взрослой жизни и политической карьеры нашего героя – Эдварда Хайда, первого графа Кларендона.

24 марта 1603 года, в последний день 1602 года по юлианскому календарю, после 44-х летнего правления в Ричмондском дворце испустила дух королева Англии Елизавета. Придворная дама торопливо сняла с пальца покойной перстень и выбросила его в окно, под которым наготове, рядом с оседланным конем ждал ее супруг, сэра Роберт Кэри. Он торопился первым доставить в Эдинбург известие о кончине, чтобы рассчитывать на милость своего патрона Якова VI Шотландского, который по праву родства занял английский престол под именем Якова I. В его лице к власти в Англии пришла новая династия Стюартов, сменившая Тюдоров. Двум королям этой династии, Карлу I и Карлу II, служил герой этого повествования.

В Якове текла кровь Тюдоров. Его прабабка Маргарита была дочерью основателя династии Генриха VII и сестрой Генриха VIII. В тринадцатилетнем возрасте ее выдали замуж за шотландского короля Якова IV. Их сын правил в Шотландии под именем Якова V. После гибели мужа в сражении против англичан (с воцарением Генриха VIII войны двух стран возобновились) Маргарита вторично вышла замуж за Арчибальда Дугласа, графа Ангуса. От него она родила дочь, тоже Маргариту, состоявшую в браке с Мэтью Стюартом, графом Ленноксом, родившую сына Генри Стюарта, лорда Дарнли. Он вступил в брак со своей двоюродной сестрой, единственной дочерью Якова V, умершего в 1542 году, Марией Стюарт, которая была вдовой французского короля Франциска II. Брак не был ни счастливым, ни продолжительным, через короткое время Дарнли был взорван в своем дворце Кирк-о-Филд. Поговаривали, что королева могла быть в курсе заговора против собственного супруга. Дарнли был отцом Якова VI Шотландского, в личной унии объединившего два королевства. В 1605 году, во время «порохового заговора» он едва не повторил судьбу отца. Мария Старт, как известно, будучи изгнанной из своей страны, закончила жизнь в Англии на эшафоте за преступные намерения (то ли реальные, то ли сфабрикованные главой английской дипломатии и разведки Френсисом Уолсингемом) уничтожить Елизавету и занять ее трон. Так что Яков имел наибольшие права на престол Англии, но они не были неоспоримыми. Все царствование знаменитой монархини прошло под знаком неопределенности в вопросах престолонаследия. Только на смертном одре Елизавета якобы назвала Якова своим наследником.¹

То, что династия на престоле сменилась спокойно, без войн, которые иногда сопровождали такие события, можно назвать заслугой двух людей и результатом определенного умонастроения в обществе. Первым из них был сам Яков, предпринявший успешные дипломатические усилия, чтобы ни одна из европейских держав того времени не выдвинула или не поддержала иного кандидата. Другим был главный елизаветинский министр, опора ее правления, Роберт Сесил. Он выдал жест умирающей Елизаветы за желание видеть в Якове своего преемника, провел заседание Тайного совета, провозгласившего Якова королем. Признатель-

¹ Кроме Якова, происходившего от старшей дочери Генриха VII Маргарет, права на английский престол могли предъявить потомки ее младшей сестры Марии, в частности, леди Арабелла Стюарт. При жизни Елизаветы она заявляла о нежелании добиваться своих прав. Тем не менее, у нее были сторонники, в том числе знаменитый мореплаватель Уолтер Рэли. За участие в заговоре в ее пользу он был при Якове посажен в Тауэр. Его казнь долгие годы откладывалась, но в 1618 году он взмолился на эшафот. Сама леди Арабелла тайно от Якова I вышла замуж за Уильяма Сеймура, маркиза Хертфорда, который и сам был в линии наследников Якова, поскольку его матерью была младшая сестра «девятидневной королевы» Англии Джейн Грей. Оба были отправлены Яковом, опасавшимся брачного союза двух кандидатов на трон, в заключение, из которого им удалось бежать. Однако корабль, на котором находилась Арабелла, был захвачен английскими моряками, и она посажена в Тауэр, где и скончалась в 1615 году. Хертфорд успешно достиг Остэнде. В дальнейшем он принимал участие в парламентской оппозиции, после начала гражданской войны сражался за короля. Карл II восстановил для него титул герцога Сомерсета. Если бы Арабелла или кто-то из Греев озвучили свои притязания, то имели бы шанс на успех только при условии поддержки со стороны Испании.

ный Яков даровал ему титул графа Солсбери. До смерти он оставался самым влиятельным министром нового короля.

Что касается общественных настроений, то господствующее в историографии представление о елизаветинском процветании – это миф более позднего времени. На протяжении долгих лет Англия воевала, в том числе в Ирландии, что вело к тяготам для народа, заговорам и восстаниям. Мало кто искренне скорбел об уходе старой королевы. Напротив, в пользу Якова говорило многое, прежде всего то, что он, в младенчестве оторванный от матери-католички и воспитанный кальвинистами в строгости, не был угрозой протестантской вере, а считался ее защитником. В 1570 году, когда Якову было всего четыре года, его воспитателем стал кальвинистский теолог Джордж Буханан. О степени его уважения к королевскому званию воспитанника говорит следующая история. Когда графиня Мар попеняла ему на строгость к ребенку-королю, то получила ответ: «Мадам, я порю его по заднице, а Вы, если желаете, можете ее поцеловать». Достигнув в 1587 году совершеннолетия, Яков, чья образованность уже была широко известна, сумел восстановить престиж короны. Не имея постоянной армии, но действуя тонко и прагматично, проявляя гибкость, он сумел установить контроль над пресвитерианской ассамблеей, управлявшей церковью при королеве-католичке, а также использовать разногласия внутри кальвинистской церкви, создав в ней «королевскую партию». В Шотландии сформировалось его умение как правителя не становиться на сторону одной из группировок, но быть над ними – оно как нельзя лучше пригодились ему и в Англии. В Европе было известно, что Яков позиционировал себя как король-мироворвец, внутри страны и в отношениях с другими странами. Еще одним фактором, делавшим кандидатуру Якова приемлемой, было то, что правильный порядок престолонаследия гарантировался тем, что у Якова были сыновья. Неопределенность в этом вопросе, характерная для времени Елизаветы, да и для всего XVI века, потенциальный источник смут, могла, наконец, остаться в прошлом. Яков был женат на Анне, дочери короля Дании и Норвегии Фредерика II, одного из столпов тогдашнего протестантского мира, что усилило его позиции в кальвинистской Шотландии. Отношения между супругами недолго оставались теплыми, видимо, не только из-за гомосексуальных склонностей Якова, но и различий в интеллектуальных интересах. Анна прививала двору вкус к празднествам, что вызывало неудовольствие у кальвинистов, Якова считали «королем-философом». Впрочем, у него была «фишка»: выбирая молодого фаворита, король хотел иметь рекомендацию королевы. Расхождения между супругами еще больше углубились после перехода Анны Датской в католичество. У королевской четы родилось семь детей, четверо из которых умерли в младенчестве. Старший сын Генрих, наследник престола принц Уэльский, умер в 1612 году в возрасте 18 лет. Дочь Елизавета была выдана замуж за Фридриха, курфюрста Пфальцского. Чарльз (Карл) унаследовал короны Англии, Шотландии и Ирландии после смерти отца.

В историографии долгое время преобладал критический взгляд на Якова и его роль в английской истории. Отчасти он проистекал от современников, которые не во всем были справедливы. В английском обществе сохранялось недоверие к шотландской нации, память о войнах с которой оставалась в сознании. Недовольствие вызывало то, что с Яковым приехали шотландские дворяне, окружавшие и охранявшие короля, хотя никто из них не получил каких-либо по-настоящему высоких постов. Враждебные оценки шотландской нации звучали в парламенте. Кто-то сказал, что шотландцы «не купцы, а коробейники». В другом случае коммюнер заявил, что «союз Англии и Шотландии так же естественен, как союз заключенного с его судьей» (по требованию короля палата общин отправила этого депутата на короткое время в Тауэр). Один адвокат утверждал: разрешить натурализацию шотландцев – все равно, что снести изгородь и позволить соседскому стаду пользоваться своим богатым пастбищем. Проповедник из Кента в 1640 году говорил: «Если когда-либо в рай попадет шотландец, то и дьявол попадет туда же». Кларендон позднее признавал, что в «прекрасные» и «счастливые» времена короля Якова «смешение двух наций, в прошлом не очень любезных друг другу» порождало

между ними соперничество [10,79]. Как заметил историк Конрад Рассел, за весь более чем вековой период правления в Англии Стюарты так и не преуспели в том, чтобы ослабить эту враждебность.

Известна фраза о Якове, приписываемая его современнику, королю Франции и Наварры Генриху IV: «Самый ученый дурак христианского мира». На самом деле Яков был одним из образованных людей той эпохи, знал не только латынь, но и древнегреческий, писал стихи и ученые трактаты. Не все его идеи сегодня выглядят убедительно, но они были в духе того времени. Это относится и к концепции божественного происхождения королевской власти, в которой видят защиту им принципов абсолютизма, и к его вкладу в демонологию, «науку» о разоблачении ведьм. Он был одним из первых противников курения табака.

Критический взгляд на Якова в историографии идет от трудов «великих вигских историков» конца XIX века Генри Бокля, Джона Грина и Самюэля Гардинера. Одним из источников их концепции была ксенофобия: Стюарты были плохими королями (а почему, собственно, Тюдоры были лучше?), потому что они были чужаками. Для этих историков воцарение Якова стало началом движения Англии к революции и гражданской войне – тезис, подхваченный марксистскими, в том числе советскими, историками, акцентировавшими внимание на экономических противоречиях, якобы лежавших в основе нараставшего конфликта короны и парламента.

В последние десятилетия в британской историографии отношение к Якову постепенно менялось. В середине 1970-х гг. один историк писал: «Школьные учителя быстро расправились с Яковом. Они учили поколения школьников презирать педантичного грубияна, отверженного чуждой идеологии абсолютизма. Трудно объяснить эту антипатию: то ли они не хотели простить ему учености, то ли пристрастия к красивым мальчикам, тем более людей этой профессии часто не считают невеждами или строго гетеросексуальными. Пришло время спасти Якова от их самобичевания». Что касается утверждений Якова о божественном происхождении королевской власти, то они могут шокировать нас, но для англичан того времени в этом было мало удивительного [80, 1–2]. Как выразился историк Бэрри Ковард, «в последние годы произошла справедливая реабилитация репутации этого короля Англии. Яков I Английский как монарх был столь же успешен, как Яков VI Шотландский» [34, 121–122]. В ревизионистской историографии пересмотр прежних оценок аргументируется следующим образом. Во-первых, политические противоречия его царствования были порождены во времена Елизаветы. Он унаследовал не только трон, но и войну с Испанией, настоятельную потребность в реформе королевских доходов, нараставшее недовольство, углублявшиеся расхождения в церкви. Опасения по поводу сохранения парламента как части конституционной системы управления звучали еще при Тюдорах. Однако другой ревизионистский историк Конрад Рассел в более ранней работе замечал: «Без сомнения, Якову не повезло в том, что он унаследовал нерешенные проблемы, но перечисление этих трудностей не оправдывает того, что он не мог с ними справиться. Нет оснований оспаривать вердикт профессора Ноутстайна, что «не многие короли были от природы так пригодны, чтобы вызывать оппозицию». Причины этого в большой мере носили личный характер. Монархия не может быть успешной без доли уважения к персоне монарха, и Яков, всегда требовавший от людей уважения, мало что делал для этого» [87, 257–258]. Он был невоздержан на язык, имел пристрастие к вину, мог войти в спальню придворных пар. После свадьбы дочери молодых не выпустили из спальни, пока он во всех подробностях не расспросил об их брачной ночи. В те времена содомия (слово «гомосексуализм» появилось в XIX веке) осуждалась в моральном отношении не так строго, как в наши дни, но фаворитизм такого рода вызывал беспокойство за патронаж и преференции при дворе. Кларендон, отметив исключительную образованность короля Якова, его интерес к книгам и ученым беседам, не преминул упомянуть о его пристрастии к красивым мужчинам и дорогим одеждам [10, 91].

Во-вторых, историки-ревизионисты пришли к выводу: управление при Якове оказалось более успешным, чем прежде считали, ибо он в полной мере проявил свои политические умения и способность к политической гибкости. В отличие от Елизаветы и своего преемника Карла I он никогда не давал ни одной из фракций установить полное господство в управлении и не становился ее инструментом. Это относится даже ко времени, когда его фаворитом был Джордж Вильерс, герцог Бекингэм, к которому король испытывал глубокую и искреннюю привязанность. При нем Бекингем не имел такого влияния при дворе, которое получил при Карле I. Однако и в этом вопросе Рассел был другого мнения: период после 1618 года (то есть еще до смерти старого короля) он называл «правлением Бэкингема и Карла».

В 1604 году Яков I заключил мир с Испанией. Этим могли быть недовольны фанатично настроенные протестанты, ненавидевшие католическую Испанию. Еще большее недовольство испытывали те, кто получал доходы от снабжения флота и каперских кораблей. Военные расходы, которые несла Англия, сами по себе были аргументом в пользу заключения мира. Кроме того, воззрения короля состояли в том, что война должна быть крайним средством разрешения противоречий между странами (такого же мнения придерживался впоследствии Кларендон). Когда после провала испанской экспедиции в Ирландию правитель Нидерландов эрцгерцог Альберт выступил с мирной инициативой, Яков поддержал ее. При этом по его указанию его представители на переговорах дали понять определенно, что Англия не отказывается от финансовой и иной поддержки воюющей Голландии. Так Англия вышла из дорогостоящей войны, не отказавшись от обязательств, данных союзнику. Примирение с Испанией лишило помощи ирландских вождей, продолжавших бороться против английского завоевания, привело к их бегству на континент, к прекращению, по крайней мере, временному, сопротивления. Безосновательны утверждения, будто после прибытия в Лондон испанского посла графа Гондомара в 1613 году Яков попал под его влияние, и после 1614 года по его наущению не созывал парламент долгие семь лет. Планы по созыву парламента рассматривались все последующие годы. Гондомар платил ряду высокопоставленных английских придворных, рассчитывая на их лояльность, но это было распространенной практикой в дипломатии XVII–XVIII вв., и на деле взятки не вели сколько-нибудь существенным образом к изменениям в королевской политике.

Стремление к равновесию лежало в основе политики Якова в Европе. Когда смерть герцога Вильгельма Клевского в 1609 году привела к угрозе войны, Англия поддержала Генриха IV Французского в его военных приготовлениях. Гибель Генриха в 1610 г. от руки фанатика Равальяка отложила войну на несколько лет. Отдав дочь Елизавету замуж за Пфальцского курфюрста Фридриха, одного из лидеров протестантской партии в Германии, Яков продолжил переговоры о женитьбе принца Чарльза на испанской инфанте. Когда в 1618 году в Европе все же вспыхнула война, которую назовут Тридцатилетней, (началась она с провозглашения Фридриха Пфальцкого, зятя Якова, императором), английскому королю пришлось приложить немалые усилия, чтобы воздержаться от открытого вступления в нее, к чему призывали протестантские группы. Свою роль сыграло то, что он, будучи сторонником идеи божественного происхождения монархической власти и ее наследственного характера, по-видимому, не разделял мнения о законности прав Фридриха на имперскую корону, полученных в результате избрания.

Религиозную политику Якова тоже можно признать взвешенной. Он не был воинствующим протестантом, не разделяя того подозрительного, мягко говоря, отношения к католикам, которое было характерно для значительной части английского общества. Не все были так толерантны. Он делил католиков на мирно исповедующих свою веру и лояльных власти, и тех, кто хотел бороться против нее. О вторых он говорил, что «ему придется наказать их тела за ошибки их разума». По-видимому, король осознавал, что такая позиция может создавать ошибочное мнение о нем как о защитнике католиков, но продолжал ее придерживаться. В ноябре 1605 года во время «порохового заговора» группа дворян-католиков вознамерилась взорвать парла-

мент во время открытия первой сессии, когда на ней будет присутствовать и король, и принц Уэльский. К власти заговорщики якобы хотели привести малолетнюю принцессу Елизавету, рассчитывая, что общаясь с матерью-католичкой, она может иметь симпатии к этой вере. В литературе высказывалось версия, что заговор был спровоцирован графом Солсбери, чтобы побудить короля к антикатолической политике, но большинством историков это мнение опровергается. Гай Фокс, застигнутый в подвале рядом с бочками с порохом, и другие заговорщики после жестоких пыток были подвергнуты мучительной казни. В начале 1606 года парламент принял ряд репрессивных законов против католиков, однако они не исполнялись особенно строго: Яков сохранил приверженность умеренной политике в этом вопросе, да и Испанию он не хотел раздражать. Тем не менее, «пороховой заговор» примирил короля с той частью протестантов, которые считали католиков потенциальными изменниками: он был обречен заговорщиками на гибель вместе с парламентариями. Заговорщики как бы установили мистическую связь короны и парламента, значит, предпосылки для их взаимодействия.

Потенциально более опасным был нараставший конфликт внутри протестантского движения. Часто он рассматривался как конфликт между англиканством и пуританизмом, но это не совсем точно. Пуританизм как особое течение, требовавшее изменения церковного устройства и даже уничтожения епископата, сформировался только к 40-м гг. XVII века. В начале царствования Якова I пуританами назывались те, кто придерживался более строгих правил в повседневной жизни, строже следовал предписаниям и обрядам. Другими словами, непреодолимой границы между англиканством и пуританизмом тогда не существовало. Более того, встреча короля с представителями церкви во дворце Хэмптон-Корт в 1604 году показала, что он был готов прислушаться к требованиям пуритан. На протяжении почти всего правления Яков, как и в придворной политике, стремился быть выше церковных фракций. Оставаясь кальвинистом, он не высказывал симпатии к тем, кто сомневался в догмате о божественном предопределении. Он не поддержал англиканских богословов, утверждавших, что власть епископа основана не на воле короля, а происходит от Бога. Когда на Синоде в 1619 году обсуждались идеи голландского профессора Якоба Арминиуса, король с энтузиазмом присоединился к критике арминианства. В церковной кадровой политике он делал ставку на ортодоксальных кальвинистов. Ричард Бэнкрофт, принадлежавший к «реформаторам» и ставший в 1604 году архиепископом Кентерберийским, был исключением. В 1611 году Яков воспротивился тому, чтобы преемником Бэнкрофта стал арминианин Ланселот Эндрюс и назначил Джорджа Эббота, которого сменил Уильям Лод, сторонник арминианства. Это произошло уже в 1633 году, и знаменовало отход Карла I, сделавшего ставку на одну группировку, от гибкой политики отца. Правда, в последние годы царствования Якова его умеренная церковная политика подверглась испытанию: в 1620-х гг. на фоне неудач протестантов в Тридцатилетней войне нарастала критика пуританами внешней политики правительства.

Первый парламент Якова I, собравшийся в 1604 году, заседал до 1610 года. В современной историографии в основном отвергается традиция рассматривать правление первых Стюартов как время последовательного нарастания противоречий между короной и парламентом. Ковард утверждал: по меньшей мере, до 1621 года принципы «елизаветинской конституции» сохранялись, и намерения покончить с парламентом у короля не было. Разногласия существовали, парламент не во всем поддерживал планы короля, но это не имело еще критического значения. В самом начале работы первого парламента Якова предметом расхождений было так называемое «бекингемширское избрание»; во время выборов в этом графстве депутатом был избран некто Френсис Гудвин. Канцлерский суд отменил это избрание, на повторных выборах был избран Джон Фортескью, креатура двора. Палата общин подтвердила полномочия Гудвина, что и привело к конфликту, которого можно было легко избежать, если бы правительство более искусно манипулировало палатой (влиятельный Сесил как лорд Солсбери заседал уже в верхней палате).

Разочарованием для Якова I был провал планов по созданию Великобритании, государства, объединявшего Англию и Шотландию, дополнявшего личную унию двух королевств. Противодействие планам короля усилилось после решения английских судей, постановивших, что слияние двух стран чревато разрушением законов их страны. В основе недовольства лежало, прежде всего, сохранявшееся чувство враждебности к шотландцам, в которых в Англии видели более варварский народ, чьи законы воспринимались как примитивные и слабо защищающие политическую нацию от произвола монархов по сравнению с английскими. Фактически Якову удалось лишь смягчить враждебные друг для друга законы и утвердить выдачу пересекших границу преступников. В 1606 году появился первоначальный вариант общего флага (Union Flag), использовавшийся на флоте до 1634 года (Карл I ограничил его использование только королевскими кораблями).

Важнейшим был вопрос о финансах, поскольку расходы двора росли потому, что стабильность режима зависела от пожертвований короны высокопоставленным лицам (как шотландцам, так и англичанам). Доходы зависели от субсидий парламента и Сити, а также от искусства министров, находивших те или иные способы пополнения бюджета. Долг короны увеличивался с каждым годом, коррупция была частью системы. Сесил, занявший место Казначее в 1608 году, пытался ограничить расходы двора и распродажу королевских земель, но это не имело большого эффекта. Широко распространилась (особенно во второе десятилетие века) продажа рыцарских званий королем и знатными придворными, что получило дурную славу и породило популярный анекдот: «Двое, прогуливаясь, наблюдают за третьим. Первый говорит: «Он смотрится как джентльмен», на что второй отвечает: «Умоляю тебя. Я думаю, что он всего лишь рыцарь».

Солсбери попытался заключить с парламентом так называемое «великое соглашение». Речь шла об отказе короны от взыскания феодальных платежей, взамен чего парламент должен был предоставлять короне ежегодную регулярную субсидию в 200 тысяч фунтов (доход от феодальных сборов составлял примерно 115 тысяч). Соглашение не было достигнуто: в парламенте не только не знали, откуда брать эти средства, но и опасались, что его деятельность окажется под вопросом. Некоторые советники считали, что соглашение не выгодно и королю, так как никак не поможет в сокращении долга, достигшего к тому времени 600 тысяч фунтов. Провал попытки договориться о постоянной субсидии ослабил позиции Сесила и привел к роспуску парламента в 1610 году. Означало ли это раскол между короной и парламентом? Историк Ковард писал: «Якову не удалось ни удовлетворить многие жалобы, ни развеять страхи многих за будущее парламента. Но были многие сферы, в которых между ним и его главными подданными царило согласие: внешняя политика короля была успешной; в религиозных делах он обычно стоял на неоспоримых позициях; он демонстрировал, что даже в вопросах налогообложения и парламентских свобод готов прислушиваться к доводам. Приверженность политической нации к монархии и традиционной конституции была еще сильной. События следующих одиннадцати лет напрягли, но не разрушили ее. Хотя только один парламента был собран на короткое время в 1614 году, события 1610–1621 гг. не создали непреодолимого барьера между «двором» и «страной» [34, 143–144].

После смерти Солсбери в 1612 году ведущее значение при дворе приобрела группировка Ховардов, опиравшаяся на королевского фаворита Роберта Карра, получившего титул графа Сомерсета. С ним связан самый крупный скандал, немало способствовавший осуждению нравов двора Якова. В 1613 г. Карр вознамерился жениться на дочери графа Саффолка леди Френсис Ховард, и его желание было поддержано королем. Было одно препятствие: она была замужем за графом Эссексом. Поводом для развода объявили импотенцию Эссекса, чего он сам никогда (имея детей) не признавал. Близкий друг и любовник Карра сэр Томас Овербьюри, который в свое время приложил усилия, чтобы Яков обратил внимание на молодого красавца, категорически воспротивился желанию Карра, опубликовав стих «Жена», в котором недву-

смысленно негативно характеризовал леди Френсис, намекая, что знает о ней много такого, что делает брак невозможным. От него решили избавиться, отослав послом к только что ставшему царем в Москве Михаилу Романову, однако он отказался уехать из Англии. Тогда Ховарды обвинили сэра Томаса в измене и добились его ареста. Яков тоже был не прочь избавиться от соперника. Через короткое время Овербьюри скончался в Тауэре, как посчитали сначала, от естественных причин. Леди Френсис вопреки мнению архиепископа Эббота была разведена с Эссексом исключительно благодаря вмешательству короля Якова. Однако история на этом не завершилась. В 1615 году выяснилось, что Овербьюри был отравлен по наущению Френсис Говард. Непосредственные исполнители преступления были повешены, а граф и графиня Сомерсет (также приговоренные к смертной казни, но помилованные) посажены в Тауэр, где и провели несколько лет. Сомнений в том, что леди Френсис организовала это преступление, нет, однако прямых доказательств причастности Карра не существовало, сам он так и не признал вины. Этот крупный скандал сохранился в памяти англичан – Кларендон упоминал о нем в своем сочинении.

Ослаблению влияния Ховардов способствовала враждебная им группировка при дворе, в которую входили, в частности, архиепископ Эббот, советник и юрист сэр Эдуард Кок, граф Пемброк, философ, ставший канцлером Англии, Френсис Бэкон. В их распоряжении оказалось сильное оружие: в 1614 году они продвинули к королю Джорджа Вильерса, сменившего Карра и сделавшего исключительно быструю карьеру – в 1616 году он виконт, в 1617 году граф, в 1623 году герцог Бекингем. Жертвой этой группировки в 1618 году стал еще один Ховард, Томас, граф Саффолк, королевский казначей с 1614 года, обвиненный в коррупции. На самом деле он проявил неосторожность, добиваясь отстранения Бекингема. Саффолк и его супруга получили прощение, отговорившись тем, что стали жертвами ведовских заговоров, чему Яков, имевший страсть к демонологии, легко поверил. С. Е. Федоров писал: «Сам путь, следуя которому Яков возвышал Бекингема, не только нарушал данные королем обещания, но и низвергал вековые традиции. События 1616 года, связанные с пожалованной ему голубой лентой кавалера ордена Подвязки, были расценены современниками как беспрецедентные. Впервые за всю историю существования ордена в его ряды посвящался человек «столь низкого» происхождения» [145, 260].

Парламент 1614 года не сыграл важной роли – история отвела ему всего несколько недель. Надежда двора на легкое получение субсидии не оправдалась. Король якобы заметил в разговоре с испанским послом Гондомаром, что недоумевает по поводу того, как его предки допустили существование такого нелепого учреждения. Эта фраза, будь она произнесена, не могла не усилить опасений за судьбу парламента в английской конституционной системе. Однако надо понимать, что в представлениях людей той эпохи парламент не ставился рядом с монархией. Ни короли, ни представители политической нации, по крайней мере, до 1640 года не рассматривали политический процесс как поиск баланса этих институтов власти. В судьбе парламентов 1621 и 1624 гг. либеральные историки видели доказательство нарастания противоречий короны и парламента. В 1621 году парламент подверг импичменту канцлера Френсиса Бэкона, что создало прецедент для последующих парламентских попыток осудить Бекингема, а в дальнейшем Страффорда и других королевских советников, в том числе Кларендона. Однако противники этого утверждения указывают: импичмент Бэкона был фактически инспирирован людьми «королевской партии». Те, кто раньше «дружил» против общего врага – Ховардов – относились друг к другу с величайшей подозрительностью. Бэкон, Кок и Лайонел Кранфилд, позднее лорд Миддлсекс (ставленник Бекингема)², не просто расходились

² Кранфилд был тогда единственным высокопоставленным придворным низкого происхождения; его отец был торговцем. Он выдвинулся на политическом поприще благодаря женитьбе на родственнице Бекингема и добился сокращения расходов двора.

по вопросу о продаже патентов на монополии, о чем шла речь в 1621 году. Между Бэконом и Коком существовала давняя и личная неприязнь. Елизавета Хаттон, внучка знаменитого государственного деятеля Уильяма Сесила, после смерти своего первого мужа Томаса Ньюпорта, по матери Хаттона, внука другого елизаветинского министра и фаворита Кристофера Хаттона, длительное время поддерживала связь с Бэконом, но замуж вторично вышла за Кока. Великий философ, видимо, воспринял это не совсем по-философски. Кроме того, в 1621 году Яков I не предпринял ничего, чтобы защитить своего канцлера. Бэкона обвинили во взятках; он не скрывал, что получал подношения (что было не исключением, а нормой), но заявлял, что это никогда не влияло на его решения. Парламент приговорил Бэкона к импичменту, штрафу и заключению в Тауэр на срок на усмотрение короля. Всего через несколько дней он был отпущен из заключения. Парламент 1621 года начал с того, что предоставил королю две субсидии, хотя и недостаточные, чтобы расплатиться с армией, но давшие надежду. То, что в 1621 году споры вокруг финансовой политики были острее, чем раньше, объяснялось ходом дел в Европе, где зять Якова Фридрих Пфальцский потерпел поражение от имперской партии. Яков считал, что парламент нарушал прерогативы короны, вступив в обсуждение вопроса о вступлении в войну на континенте.

Последний парламент Якова, собравшийся в начале 1624 года, современники назвали «Счастливым». Это слово «запустил» Кок. В выступлении короля на открытии сессии прозвучал призыв к согласию, к отказу от прежних недоразумений. Однако военная ситуация в Европе мало располагала к этому: многие в Англии верили, что есть угроза «протестантскому делу», и требовали от Якова вмешаться. Все последние месяцы своего правления Яков сопротивлялся. Наследник престола Чарльз и герцог Бекингем использовали парламент 1624 года как инструмент давления на короля; им принадлежала инициатива осуждения в палате лордов графа Миддлсекса, советника короля и противника войны с Испанией, проект которой принц они пропагандировали после неудачной брачной миссии в Мадриде. Яков пророчески сказал фавориту: «Ты – дурак, потому что готовишь розги, которыми высекут тебя самого». И добавил в адрес Чарльза: «Ты еще пресытишься этими парламентами». Историк Ч. Карлтон заметил, что «заигрывая» с парламентом, «принц и герцог создали фатальный прецедент, не только возродив средневековый импичмент, но что более важно, вовлекли парламент в непривычные и разрушительные действия против короны» [31, 52–53]. Миддлсекс был отстранен от должности, приговорен к штрафу и заключению в Тауэр, откуда его выпустили по приказу короля через несколько дней.

Историки ревизионистского направления доказали: рассматривать парламенты Якова I как прелюдию к гражданской войне – значит рассматривать историю «вспять», представлять ход событий в виде «исторического эскалатора». К. Рассел указывал: называть критиков короны «оппозицией» неправильно, так как создается ошибочное представление о преемственности, которой не было. Он иллюстрировал это рассуждение фразой из работы историка Питера Загорина о сыновьях двух активных деятелей палаты общин в 1621 г. Р. Фелипса и Э. Сэндиса, которые в гражданской войне, «порвав с семейной традицией, стали роялистами». Но в том и дело, говорил Рассел, что никакой традиции борьбы с короной не было. Тезис «каждый школьник знает», что во времена первых Стюартов парламент становился сильнее, и что он характеризовался делением на сторонников «правительства» и «оппозицию» – это миф [86, 3]. Кроме того, логика либеральных историков предполагала, что парламент был сильным и влиятельным органом, что тоже неверно. Существование двух палат, лордов и общин, с их функциями и правами, означало, что нижняя палата без поддержки верхней не могла оказать сколько-нибудь существенного влияния на королевскую администрацию. Сильный с собственными претензиями парламент, располагавший влиятельной оппозицией, появился только в 1640 году. По мнению Б. Коварда, разрыв с прежними традициями «елизаветинской конституции» начался несколько раньше, в 1625 году. Он писал: «Воцарение Карла I отчетливо

определило поворотный момент в истории 1620-х гг. После 1625 года многие в парламенте сохраняли связи с двором в надежде на должности и патронаж, но очевидно, что парламентским лидерам стало труднее сотрудничать с королевскими министрами и сохранять, в то же время, престиж на местах» [34, 158]. Ковард придавал значение отличиям двух королей, Якова I и Карла I: «Есть три принципиальные причины. Во-первых, природная проницательность и гибкость Якова позволили ему избежать политических штормов способами, которые будут позднее характерны для Карла II. Напротив, Карл I не обладал политическими способностями отца и демонстрировал упрямство и бескомпромиссность до степени абсурда. Во-вторых, Яков I пытался (не всегда с полным успехом) действовать как независимый арбитр между различными фракциями англиканской церкви, его сын от этого полностью отказался, что привело к тому, что впервые в раннестюартовской Англии религия стала вызывающей распри проблемой. В-третьих, в отличие от отца Карл I оказался несостоятелен как правитель своих столь разных королевств. Его неумелая политика к северу от границы, в Шотландии, привела к катастрофическим последствиям: против него объединились не только большинство английских подданных, но и многие шотландцы» [34, 152].

Историки Английской революции удивительно единодушны в негативных оценках Карла I, несмотря на принадлежность к разным направлениям и острые разногласия по многим другим вопросам: «Карл худший король, который был у нас со времен средневековья» (Рональд Хаттон); «Если был человек, сам себя уничтоживший, то это Карл Стюарт» (Морис Ли-младший); «Карла можно считать более привлекательным человеком, чем его отец, но как правитель он был куда хуже» (Кристофер Дурстон); «Карл был прискорбным образом непригоден к монархической власти» (Энн Хьюджес) [138]. По мнению Ч. Карлтона, Карл воспринимал любую оппозицию как заговор злых и эгоистичных людей. В конституционном плане он считал: обладая правом созыва и роспуска, только он может судить, что парламент сделал доброго и дурного. На прагматическом уровне был уверен, что для блага подданных имеет право преподносить урок кучке тех, кто сеет беды. На уровне психологическом Карлу было присуще «проецирование», то есть перекладывание на противоположную сторону действий и мыслей, в которых он, осознанно или нет, винил себя. Его противники, а не он толкали Англию к абсолютизму [31, 83–84]. О том же писал и Рассел, называвший эту черту Карла «узким видением». Карл не был способен посмотреть на проблему с разных перспектив, не понимал, что другая сторона, например парламентарии, могут иметь опасения иного рода, чем он, никогда не принимал тезиса, что политика есть искусство возможного [89, 195]. Расхождение в оценках Карла I и его политики между историками ревизионистского направления и их критиками, представителями постревизионистского направления, состоит в том, что последние усматривают в недостатках короля отражение долговременных социальных и идеологических проблем. Так, Хьюджес писала: «Политика Карла была не проявлением беспорядочных импульсов его несчастливой и невезучей натуры, а вполне объяснимым выбором между различными путями развития английской политической системы. Так, его страх перед публичностью явно был ответом на реальные социальные и политические изменения. Его политика приносила вред потому, что касалась (самым грубым образом) долговременных структурных проблем, которые были «отложены» или порождены в предшествующие царствования» [55, 158]. Возможно, единственным исключением среди историков является К. Шарп, полагавший, что Карл обладал необходимыми для правителя качествами, прежде всего трудолюбием, и на деле был центральной фигурой в управлении. Он и обеспечил успех политики, проводившейся после роспуска парламента в 1629 году [138].

Чарльз, будущий король Англии, третий из выживших королевских детей, родился в замке Думферлайн в ноябре 1600 г., когда отношения его родителей, Якова и Анны Датской, были уже испорчены. Роды были тяжелыми, но Яков предпочел остаться в Эдинбурге, чтобы наблюдать, как останки двух преступников, казненных за государственную измену, после пове-

шения и четвертования рассылались в разные части королевства. Чарльз был слабым и болезненным ребенком, до двух с половиной лет он не ходил, а до четырех лет вследствие рахита передвигался только с посторонней помощью. У него был еще один физический недостаток, затруднявший общение с подданными – он заикался. В Лондон мальчика перевезли только в 1604 году, и мало кто обращал на него внимание. Внимательной к нему была только мать, отец его игнорировал, старшие дети прохладно реагировали на его заверения в преданности. Он посвящал время сбору монет и медалей, приобретая вкус к коллекционированию, участвовал в маскарадах и играл в дворцовых парках. Его положение стало иным, когда в 1612 году умер старший брат Генрих. Сначала Чарльз негативно относился к фавориту отца Джорджу Вильерсу, потом это отношение поменялось, то ли потому, что принц понял: чтобы быть ближе к отцу, надо дружить с Бекингемом, то ли, как и многие при дворе, попал под его очарование.

После роспуска парламента в 1621 году переговоры о вступлении Чарльза в брак с испанской инфантой продолжались, тем более, испанское приданое могло помочь в решении финансовых проблем. По сути, проект был нереализуем по религиозным причинам: инфанта могла выйти замуж только за католика, а переход принца в католицизм был невозможен. Для испанцев переговоры служили способом отвлечь Якова от вступления в войну. Чарльз, однако, в мечтах о невесте стал испытывать нетерпение, и в 1623 году он с Бекингемом совершил романтическую поездку в Мадрид, что в политическом отношении было глупостью. Это путешествие полностью нарушало дипломатический протокол, сопровождалось буффонадой (фальшивые бороды), и было просто опасным. Переодетыми Чарльз и Бекингем скакали по Франции, а в Испании оказались фактически под контролем властей. До инфанты Марии незадачливого жениха не допустили; он лишь мимолетно увидел ее в окошко кареты, но решил, что влюбился. После нескольких недель безуспешных попыток добиться согласия испанской стороны англичане поняли, что их план провалился, и вернулись домой, в общем-то, легко отделавшись. Английские протестанты вздохнули с облегчением. После Испании Бекингем стал фаворитом и другом принца. Вернувшись на родину, Чарльз чувствовал обиду, убедив себя, что в Мадриде с ним обращались недостойно, и присоединился к призывам к войне.

В наши дни историки больше пишут не о преемственности двух царствований; напротив, преобладает мнение, что Карл, осознанно или бессознательно, стремился во всем действовать вопреки отцу. С его воцарением изменился двор. Исчезли шуты и карлики, вместо не слишком скрываемых пороков превозносятся супружеские добродетели. Законом стали требования придворного этикета. Переговоры с французами, начавшиеся еще при старом короле, завершились тем, что Генриетта Мария, дочь Генриха IV Французского и сестра Людовика XIII, стала женой Карла. Сначала отношения между ними не были теплыми, но после гибели Бекингема в 1628 году она сумела утешить супруга, и королевскую чету посчитали образцовой супружеской парой. При жизни Бекингема не просто не допускал королеву до публичных дел, но и открыто третировал. Кларендон передавал слова, однажды сказанные ей герцогом: «В истории Англии были королевы, потерявшие головы». Первый историк революции считал пагубное влияние Генриетты Марии на короля причиной многих ошибок, приведших к конфликту: «Привязанность короля к королеве была особого свойства; в ней сочетались сознание, любовь, благородство, благодарность – все те возвышенные чувства, которые возводят страсть на самый высокий уровень. Он на все смотрел ее глазами и руководствовался ее суждениями; не только обожал ее, но желал, чтобы все знали, что она влияет на него. Это было плохо для них. Королева была очень красива, обладала чувством юмора и была достойна самых благородных чувств; так что они были воплощением супружеских чувств того века. Когда ее допустили к участию в самых секретных делах (от чего она была предусмотрительно отстранена герцогом Бекингемом, пока он был жив), у нее возник вкус к их обсуждению и высказыванию своего суждения; ее страсть к этому всегда была сильной» [10, 100]. Она считала себя вправе знать и даже определять, на кого падет милость монарха, решать вопросы, которые мог решать

только король, что «положило начало предвзятости к нему и его правительству». В этих словах видно недоброжелательство Кларендона к Генриетте Марии – на протяжении многих лет они оставались политическими противниками.

Любимыми занятиями Карла были покровительство искусству и коллекционирование. Он не жалел на это ни времени, ни средств, ни энергии. Карл создал одну из лучших в то время коллекций ренессансного искусства, в которой только картин было 1760. Он обладал прекрасным вкусом и легко отличал руку мастера от кисти учеников. Не случайно, для ведения переговоров с Англией в 1629 году испанцы выбрали Питера Пауля Рубенса, который по заказу короля расписывал потолок в Уайтхоле. У пуритан такое покровительство католикам вызывало глубокие подозрения. С 1632 года придворным живописцем английского короля стал ученик Рубенса Антонис ван Дейк, создавший целую галерею королевских портретов. На некоторых семейных портретах Карл в духе супружеской идиллии изображен за руку с Генриеттой-Марией. Для недовольных пуритан это служило лишним напоминанием, кем направляется королевская политика. Еще больше пуритан раздражала мода, завезенная из Франции и Италии – маски. Карл и его королева принимали участие в постановках этих изысканных пьес, преисполненных символизмом. Появление в них королевской четы должно было символизировать восстановление порядка из хаоса – роль, которую Карл всегда приписывал себе.

Воодушевление, с которым было воспринято в обществе воцарение Карла, было непродолжительным. Уже в первом парламенте, созванном летом 1625 года, начались трения. Основанием для разногласий стал вопрос о бочоночном и фунтовом сборах. По давней традиции парламенты предоставляли королям это право до их смерти. Однако в данном случае, предоставив короне две субсидии, лидеры парламента решили дать право сборов только на год. Король, естественно, счел это покушением на свои прерогативы. Началась парламентская атака на Бекингема, приведшая к роспуску парламента и объявлению короной принудительного займа. В современной историографии главным фактором, ведущим к конфликту короны и парламента, называют преимущественно внешнюю и военную политику Карла I, который немедленно после воцарения вступил в войну с Испанией, в октябре направил мощный флот (около ста кораблей) к берегам Пиренейского полуострова для захвата Кадиса. Экспедиция, руководство которой осуществлял Бекингема, была безуспешной, и уже в ноябре при возвращении значительная часть кораблей погибла или получила дефекты вследствие шторма. Тем, кто помнил подвиги Ф. Дрейка, было ясно: английский флот почти повторил судьбу испанской Великой Армады. В условиях продолжавшейся войны с Испанией король вступил в войну с Францией: «Единственный раз за два века Англия лицом столкнулась с кошмаром войны одновременно с Испанией и Францией, двух континентальных держав, с каждой из которых Англии было сложно воевать и поодиночке. Трудно найти другой столь вопиющий пример дипломатической некомпетентности Бекингема. Война помогала ему держать в напряжении отношения между королем и королевой-француженкой, которая могла стать сильной соперницей во влиянии на монарха» [87, 304]. Повод к войне казался незначительным – спор о праве кораблей нейтральных стран снабжать товарами воюющие страны. Не исключено, что Карл решил воевать не только под давлением Бекингема и из-за прохладных отношений с Генриеттой Марией, но и потому, что глава французских гугенотов в Ла Рошели герцог Субиз был его крестным отцом. Все три экспедиции в Ла Рошель, оплот гугенотов во Франции (последняя состоялась после убийства Бекингема осенью 1628 года), закончились провалом.

Война заставляла Карла требовать от парламента денег; отказы и выдвижение условий раздражали короля. Второй парламент в 1626 году возобновил атаку на Бекингема, которого обвиняли в неправомерном занятии многих должностей, коррумпированности и растрате собственности короны. Историки замечали, что начало критики фаворита совпало с явными признаками, свидетельствовавшими о склонности Карла I к арминианству. Он взял под покровительство арминианского проповедника Ричарда Монтегю, чей трактат вызвал критику пуритан

в парламенте. Роспуск парламента заставил вновь прибегнуть к принудительным займам, что оказалось действенной финансовой мерой, но вызвало протесты и обращения в суды. «Дело пяти рыцарей», землевладельцев, отказавшихся платить сборы, не утвержденные парламентом, поставило вопрос, есть ли у короля право произвольных арестов. Даже не жесткие финансовые и административные меры как таковые вели к разрушению «елизаветинской конституции» и разрыву между Карлом I и его подданными; угрожающим было то, что «эти войны были полностью и очевидно неудачными. Унижения при Кадисе и Ла Рошели оказали немедленное и разрушительное воздействие на мораль политической нации, которая не могла не видеть контраст по сравнению со славными военными экспедициями елизаветинского царствования» [37]. Ту же мысль высказал Ч. Карлтон: «Рассматривать этот период как борьбу Карла с парламентами, значит читать историю вспять, от Великой Ремонстрации и гражданской войны; что было обузой для Карла в первые три года его правления, так это не парламента, а военные экспедиции, делавшие их неизбежными» [31, 60].

Парламент, собранный в 1628 году, был подозрителен к короне. Парламентариям не могло понравиться, что церковную службу в честь начала его деятельности провел лидер арминьян епископ Лод. В центре дебатов оказались вопросы о произвольных (то есть незаконных) арестах, неутвержденных налогах, постоях войск и применении законов военного времени. Соответствующие требования вошли в «Петицию о праве», к подготовке которой имел прямое отношение Томас Уэнтворт, в будущем граф Страффорд, находившийся тогда в рядах критиков короны. Карл согласился подписать этот документ, чтобы получить парламентские субсидии. Перед открытием второй сессии парламента ситуация изменилась: был убит Бекингем. Король страдал о потере друга, а его подданные ликовали. Большинство политической нации плохо относилось к герцогу. Помимо подозрений в коррумпированности и склонности к католицизму ходили слухи, что он занимался черной магией и мог приворожить любую женщину, что он якобы отравил Якова I. Впрочем, некоторые современные историки более лояльны к фавориту: «Бекингем обладал всеми талантами: был красив, очарователен, держался с достоинством, был сообразителен, умел манипулировать королями и отдавал много времени государственным делам. Единственное, чего ему не хватало – это везения. Продлилась экспедиция в Кадис на два дня дольше, англичане застали бы возвращающийся из Америки и груженный сокровищами испанский флот... не попади десятипенсовый ножик Фельтона в нужную точку под нужным углом, царствование Карла могло пойти иначе» [31, 109]. Пока Бекингем был жив, он «оттягивал» недовольство на себя. Возможно, ни что другое, а именно нескрываемая радость коммонеров от гибели фаворита привела к отчуждению от парламента, который и был распущен в 1629 г.

Кларендон писал о Бекингеме как о человеке «щедром и благородной природы», обладавшем качествами, которые могли сделать его «великим фаворитом великого короля». У него был огромный опыт, полученный под началом «сведущего хозяина», Якова I, благодаря чему он быстро воспринимал дела и рассуждал о них «изящно и уместно». Он был мужественным, даже бесстрашным, добрым и привязанным к тем, кто составлял его окружение. Бедой Бекингема Кларендон считал то, что у него не было настоящего друга, близкого ему по положению, который мог бы дать ему мудрые советы в его же собственных интересах и отговорить от поступков, диктуемых страстями и пороками его времени. Среди тех, к кому он прислушивался, было очень мало людей, способных ему помочь [10, 94–95]. Читая эту характеристику, стоит помнить: в начале карьеры Хайда зависела от поддержки семьи его первой жены, входившей в «клан» Бекингема.

Говоря о политической ситуации 1628–1629 гг., отметим: господствующее в историографии мнение о том, что она развивалась прямым ходом к беспарламентскому правлению, разделяется не всеми историками. Историк ревизионистского направления Ричард Каст утверждал: в течение недель между вынесением приговора Фельтону в ноябре 1628 года и роспуском пар-

ламенты в начале марта 1629 года существовала уникальная возможность договориться. В это время в окружении короля и в парламенте сформировалась политическая группа «патриотов», выступавших за продолжение политики 1624 года, помощь «протестантскому делу» и в поддержку Дании, вступившей в Тридцатилетнюю войну против Габсбургов. «Патриоты», к числу которых при дворе относились влиятельные графы Пемброк и Карлейль, выступали за нормализацию отношений короны и парламента. В палате общин в пользу такого варианта действовал Джон Пим. Речь шла о том, что король гарантирует отход от арминьянизма, а парламент согласится утвердить являвшиеся камнем преткновения бочоночный и фунтовый сборы. Хотя у такого соглашения были влиятельные противники (Лод и Уэстон при дворе, Джон Элиот в парламенте), Касту такой сценарий кажется возможным. Он указал на некоторые высказывания и действия короля, доказывающие приемлемость для него такого развития событий, по крайней мере, до конца января. Каст считал, что здесь имеет место случай, когда на события стоит посмотреть с позиции контрфактической истории: «В таком случае Англии оказала бы обещанную помощь датчанам, а переговоры с Испанией были бы заблокированы. В этих обстоятельствах Карл сумел бы в полной мере воспользоваться выгодами от военных побед Густава-Адольфа в 1631 году и восстановить свою сестру в Палатинате силой. Успех в Палатинате создал бы престиж в своей стране и воодушевил бы на участие в Тридцатилетней войне в протестантской коалиции. Это могло усилить бы группу патриотов в совете, которую до своей смерти в 1630 году возглавлял Пемброк, а затем Дорчестер. Уэстон и Лод были бы вынуждены подстраивать свои советы под господствующие обстоятельства, как это было в преддверии начала заседаний парламента в 1629 году. Установился бы более сбалансированный политический порядок, как в 1628 году, а не доминирование одной происпанской и антикальвинистской партии. Принимая все это во внимание, можно быть уверенным, что Карл наверняка не стал делать глупости в Шотландии. Конечно, это гипотеза, но вполне вероятная» [36, 349].

Утверждения, будто Кларендон не видел в политике Карла I ошибок, неверны. Он связывал происхождение конфликта, приведшего к гражданской войне, с взаимным непониманием, порожденным отсутствием гармонии в отношениях короны и парламента во второй половине 1620-х гг., и писал: «Парламенты собирались и распускались. Тот, что собрался в четвертый год (после роспуска двух предыдущих), был детерминирован в действиях и декларациях убеждением, что не приходится ожидать созыва ассамблей такого рода в дальнейшем. В высказываниях о парламенте все было ограничено страхом цензуры и наказания. Никто не сможет показать мне иной источник, из которого проистекают все сегодняшние реки горечи, чем неразумные, неумелые, опрометчивые роспуски парламента, которыми из-за вспышек гнева, высокомерия и амбиций отдельных людей, двор испытывал настроение и привязанность страны. Теми же стандартами народ оценивал честь, справедливость и добродетельность двора. Так что в те печальные времена они (двор и страна – А. С.) отдалялись без уважения и снисхождения друг к другу» [10, 68]. В отдельных документах, принятых парламентами, в речах депутатов были положения, задевавшие достоинство короля и его правительства, но «я не знаю акта любой из палат, который противоречил мудрости и справедливости» законов королевства. Возлагая главную долю вины за взаимонепонимание на королевских советников, Хайд признавал, что Карл I «не использовал удобство» привлечения к себе тех, кто мог улучшить отношения с парламентом, и это вызывало «подозрение, если не отвращение» народа.

После 1629 года Карл не созывал парламент в течение одиннадцати лет. Это не нарушало традицию, так как созыв парламента был прерогативой короны. Яков I не созывал парламент семь лет, но никому в голову не пришло назвать 1614–1621 гг. «беспарламентским» правлением. В годы «политики напролом» началась взрослая жизнь Эдварда Хайда.

Глава первая «Высшая степень благополучия, когда- либо существовавшая»: 1608–1638

Так Кларендон написал о положении Англии в те годы, когда он наслаждался творениями ученой мысли и начал профессиональную деятельность как юрист, а король Карл I легко справлялся с управлением без парламента.

Мы знаем о молодых годах Хайда главным образом из автобиографии. Он писал ее на склоне лет, в начальный период своей последней эмиграции, адресуясь, в первую очередь, к семье, надежду на воссоединение с которой не оставлял до конца дней. Говорят, что память человека ненадежна, и события, произошедшие десятилетия назад, стираются в ней. Отчасти это так. Современная психология утверждает: пик жизненных воспоминаний приходится на возраст между 15 и 30 годами на фоне относительно низкого количества событий, относящихся к другим возрастным периодам. Это противоречит «классическому» закону немецкого психолога Г. Эббингауза, основателя ассоциативного направления в психологии, считавшего, что с годами ассоциации ослабевают, а с ними и память: память пожилых людей ненадежна. Современный российский психолог определяет автобиографическую память как «субъективное отражение пройденного человеком жизненного пути, состоящее в фиксации, сохранении, интерпретации и актуализации автобиографически значимых событий и состояний, определяющих самоидентичность личности как уникального, тождественного самому себе психологического субъекта» [129, 19]. У такого рода памяти три типа функций. Первая, интерпсихологическая группа функций, заключается в налаживании и сохранении социальных связей и межличностных контактов; воспоминания позволяют быть «своим» в любом окружении. Автобиография Кларендона «закрепляет» его отношения с семьей, а в более широком смысле, с тем благородным и уважаемым сословием, из которого он происходил. Вторая, интрапсихологическая группа, связана с саморегуляцией: вспомнить, чтобы было легче на душе. Как же нуждался в этом Кларендон, будучи оторванным от своего окружения! Третья группа экзистенциальных функций связана с осознанием уникальности своей жизни, она направлена на финальную интеграцию личности (вся жизнь прошла перед глазами). Что следует из этого? Нельзя ожидать от Кларендона любимой позитивистами точности фактов: они имели для него личностный смысл. Он искал опору в своей семейной истории и традиции, в прошлых дружеских и социальных связях. Означает ли это, что Кларендону нельзя доверять в части описания молодых лет? Историк, писавший о Хайде, что «он не был оригинальнее любого другого отставного государственного деятеля, принявшегося писать мемуары в появившееся у него свободное время» [70, 224], был неправ. Настойчивая устремленность к справедливому и объективному освещению событий, приверженность к «моральному измерению» истории делает его описание заслуживающим доверия. Что касается умолчаний и отсутствия некоторых деталей, то какой документ может претендовать на всестороннее и полное описание прошлого или настоящего?

В представлениях нашего времени Кларендон не был стар, когда в последней эмиграции писал автобиографию. В шестьдесят лет на память можно полагаться. Хайд родился 18 февраля 1609 года. В некоторых публикациях указывается 1608 год. В этом нет противоречия: парламентский акт заменил в Англии юлианский календарь григорианским в 1752 году. Тогда после 2-го сентября сразу наступило 14-е. Тем же актом поменяли и начало нового года. До 1752 года новый год наступал в Англии 25 марта, в День Пресвятой Девы Марии. Празднование нового года в день весеннего равноденствия, по-видимому, отражало древнюю традицию. Говорят, что в Англии и сегодня уплата налогов приурочена к этой дате. Датировку событий, произо-

шедших до 1752 года, принято обозначать по григорианскому календарю, с учетом наступления нового года 1 января. Любой учебник истории сообщает: Карл I был казнен 30 января 1649 года, однако в современных документах фигурирует 30 января 1648 года. Для большей точности можно упомянуть, что для жителей европейских стран, которые к тому времени уже перешли на григорианский календарь, это произошло 9 февраля 1649 года.

Эдвард Хайд появился на свет в доме Генри Хайда в местечке Динтон в графстве Уилтшир, на юго-западе страны. В том же графстве семейству принадлежало поместье Пертон. Род Хайдов происходил из Чешира, где был известен, по крайней мере, со времени короля Генриха III, в правление которого, в 1265 году, возник английский парламент. Кларендон заметил в автобиографии, что его предки владели манором Норбюри еще до норманнского завоевания 1066 года, но данное сообщение ничем не подтверждается: это поместье было приобретено путем женитьбы именно в XIII веке. Основателем той ветви рода, к которой принадлежал будущий канцлер Англии, был его дед Лоуренс, заложивший семейную традицию заключения выгодных браков: женившись на Энн Сибилл, он стал владельцем поместья Динтон, ставшего родовым гнездом. У Лоуренса было четверо сыновей, образованию которых он придал большое значение, направив их в Оксфорд. Обучение в этом знаменитом университете тоже стало семейной традицией. Двое сыновей Лоуренса, дяди будущего канцлера, сделав успешную карьеру, помогли ему в продвижении и обеспечили доступ ко двору. Умерший в 1631 году Николас Хайд, занимал в последние годы жизни, не много не мало, должность Верховного судьи Англии. Лоуренс, умерший в 1641 года, служил главным поверенным королевы Анны Датской, супруги Якова I и матери Карла I.

Генри, отец героя нашего повествования, также обучался в Оксфорде и некоторое время занимался адвокатской практикой, однако его больше тянуло к путешествиям, что, как писал в автобиографии Кларендон, было необычно для елизаветинского времени – страну легко покидали только купцы и те, кто нанялся на военную службу. Историк Ричард Оллард заметил, что «путешествовать ради любопытства в те времена заговоров, конспираций и переворотов означало вызвать подозрение со стороны правительства, а также обостренное внимание обычных информаторов» [74, 8]. Тем не менее, после смерти своего отца в 1590 году Генри Хайд побывал на континенте. Он поднялся по Рейну и прибыл в Италию, остановившись на какое-то время во Флоренции и Сиене, а затем в течение нескольких месяцев в Риме. Будучи последовательным протестантом, Генри, однако, установил хорошие отношения с кардиналом римской католической церкви, англичанином по рождению Алленом. В пребывании Генри Хайда в Риме есть что-то непонятное. В ситуации такого рода английские власти легко могли увидеть попытку завязать подозрительные контакты с католиками, тогда как последние заподозрить в путешественнике шпиона. Никаких видимых последствий заграничная поездка для Генри не имела, но по возвращению мать поторопилась настоять на женитьбе. Избранницей оказалась Мэри, одна из дочерей и наследниц уилтширского эсквайра Эдварда Лэнгфорда из Траубриджа. Генри дважды пытался заняться политической деятельностью: он был избран в парламент в 1588–1589 гг. и позднее в 1601 году. Сведений о его деятельности в парламентах не сохранилось. Известно, что тудоровские парламенты были в целом послушны короне. По-видимому, ни адвокатская, ни политическая деятельность его не привлекали. Генри предпочитал спокойную жизнь благородного сельского джентльмена, «в бодрости и довольстве». После смерти Елизаветы I он ни разу не побывал в столице, а мать, по словам будущего историка, в Лондоне не была ни разу. Кларендон судил об этом так: «Мудрость и бережливость в те времена была такой, что лишь немногие джентльмены ездили в Лондон или совершали другие дорогие путешествия иначе, как по важному делу, а их жены никогда; благодаря такой предусмотрительности они улучшали жизнь в своих поместьях и наслаждались ею; они были гостеприимны, хорошо воспитывали своих детей» [10, 10]. В этих словах трудно не увидеть опосредованной

критики нравов эпохи Реставрации, как и ностальгии по «доброй старой Англии», свойственной людям «страны».

Отец Хайда прожил после смерти королевы Елизаветы более тридцати лет, пользовался исключительным авторитетом в графстве, благодаря чему он урегулировал ряд конфликтов, возникавших между соседями. Дополнительным штрихом к портрету этого человека может служить единственное сохранившееся его письмо, написанное в июне 1625 года и адресованное брату Николасу, избранному в первый парламент Карла I. В нем он выражал заботу о бедных, высказав пожелание, чтобы парламент пересмотрел статуты о бедных, принятые в конце елизаветинского царствования, облегчил их положение и определил меры к улучшению сельского хозяйства в их интересах. Это любопытно, ведь его сын в своих сочинениях не написал о положении бедных и решении социальных проблем ни строчки. Интересно и то, что при предполагаемом знании европейских дел в письме Генри ни словом не упомянул о внешней политике Карла, которая тогда стала главным предметом внимания парламентариев. В последние годы жизни Генри страдал от все более частых приступов болезни, причину которой доктора не могли назвать. Одним из симптомов была боль в левой руке, из-за которой он бледнел (несмотря на сангвиническую комплекцию) и почти терял сознание. Приступы происходили и днем, и ночью, и продолжались более пятнадцати минут. Страдания отца, несомненно, остались в памяти Кларендона; десятилетия спустя он точно описывал их. Незадолго до смерти отец передал управление поместьем Пертон Эдварду, покинул Динтон и в 1632 г. переехал в Солсбери, где поселился в доме неподалеку от кафедрального собора, в котором были похоронены многие его родственники и друзья. Посетив несколько городских церквей, он решил, что хочет быть похороненным в соборе, и сам выбрал место. Он скончался 29 сентября 1634 года. В описании Хайда смерть отца – это смерть доброго христианина.

Рассказ Кларендона об отце свидетельствует, что тот был для него образцом, «лучшим отцом и лучшим другом», человеком, которого «он действительно считал самым мудрым из людей, которых знал». Даже на вершине карьеры он повторял, что «Божественное Провидение наделило его знаками отличия, из которых ценнее всего то, что был сыном такого отца и такой матери, благодаря которым Бог благословил его» [10, 16–17]. Хотя мать надолго пережила мужа, ее образ был слабее в памяти сына. Он лишь отметил ее доброту, щедрость, заботу о поместье. У Генри и Мэри было девять детей, из них четверо сыновей. Старший сын Лоуренс умер в детстве, второй, Генри, дожил до 26 или 27 лет, третьим был Эдвард, самый младший брат Николас умер ребенком.

Графство Уилтшир ассоциируется с образом доброй старой Англии. Примерно в десяти милях от Динтона располагался главный город графства, Солсбери, с его достопримечательностью – собором, тем самым, в котором упокоился прах отца Кларендона. Один его дядя представлял город в парламенте, его двоюродные братья служили в соборе. В 1651 году, после поражения при Вустере, Карл II, скрываясь от солдат Кромвеля, пробираясь к побережью, и его укрыла в своем доме, располагавшемся всего в трех милях от города, вдова одного из кузенов Эдварда. Через двести лет после Кларендона знаменитый живописец Джон Констебл черпал в Солсбери и его окрестностях вдохновение: одной из его самых известных картин является «Вид на Солсберийский собор из епископского сада». Принято считать, что картины Констебла создавали романтический и ностальгический образ прежней Англии в эпоху до наступления промышленности и железных дорог. Но и для Хайда родные места были воплощением «страны»; он идеализировал сельскую жизнь поколения своего отца, черпал в ней идеалы, по крайней мере, в конце жизни, когда писал автобиографию. Как писал Оллард, «все пути Кларендона вели не в Рим, вызывавший у него глубокое отвращение, а в Уилтшир». Всего в тринадцати километрах от Солсбери располагается, возможно, наиболее известный, и точно, самый загадочный исторический памятник Англии – Стоунхендж. Конструкция из огромных каменных глыб, сооруженная в незапамятные времена, с целями, по-видимому, ритуальными,

о смысле которых можно только догадываться, у людей, живших в эпоху Кларендона, впервые вызвала специальный научный интерес.

Человеком, «открывшим» Стоунхендж, был английский писатель, философ, знаток старины Джон Обри, приобретший большую известность в годы Реставрации. Он долгое время проживал неподалеку от Динтона, всего в пяти милях. Его считают одним из создателей современного английского литературного языка. Стиль Кларендона с длинными предложениями тяжелее – иногда дойдя до конца фразы, забываешь о том, что было в начале³. Ближе к Динтону располагалось поместье Комптон Чемберлейн, родовое гнездо семейства Пенраддок, глава которого сэр Джон входил в тайную роялистскую организацию «Запечатанный узел». Он поднял в 1655 году восстание на юго-западе страны, столь ожидаемое кавалерами-эмигрантами, но быстро подавленное армией протектора Кромвеля. Полковника Джона Пенраддока, которого Кларендон считал слишком мягким человеком для такого предприятия, обезглавили в Эксетере. Выходцами из Уилтшира были товарищи Хайда по роялистскому лагерю, Френсис Коттингтон и Эдвард Николас. Коттингтон, член Тайного совета в годы правления Карла I без парламента, чье имя называлось рядом с именами Страффорда и Лода, принадлежал к высшему слою, чем Хайд, и был владельцем большого поместья в Фонтхилле, которое, позднее, в XVIII веке, отошло к богачу герцогу Уильяму Бекфорду. Коттингтон был склонен к католичеству, что не могло радовать Хайда. Николас являлся одним из его ближайших друзей и сподвижников.

Два других земляка Кларендона стали его интеллектуальными и политическими оппонентами. Один из них – сэр Энтони Эшли Купер, получивший титул графа Шефтсбери. Его дом в Уимборн Сент-Джайлс располагался в нескольких милях к югу. В 1644 году он перешел на сторону парламента, по-видимому, обидевшись на отказ Карла I сделать его губернатором Уэймаута. Он был членом Государственного совета при Кромвеле, в 1659 году воспротивился возвращению к власти «охвостья» Долгого парламента, убедив генерала Монка предпринять поход на Лондон. Эшли был одним из двенадцати членов парламента, прибывших к Карлу II с предложением вернуться на трон. При Кларендоне он был одним из самых способных деятелей его администрации, и он же принял участие в свержении канцлера, войдя затем в правительство КАБАЛЬ. Как заметил Оллард, «если Кларендон был божеством-хранителем будущей торийской партии, то Шефтсбери исторически был основателем партии вигов». В его доме учительствовал Джон Локк, «отец» либерально-просветительских идей. Как и Кларендон, Шефтсбери покинул Англию, чтобы избежать ареста, и скончался на чужбине. Другим интеллектуальным противником Эдуарда Хайда был политический мыслитель Томас Гоббс. Его дом находился в городке Малмсбери. Одно время они были в дружеских отношениях, но появление «Левиафана», фактически оправдывавшего индипендентский режим, сделало Гоббса фигурой *non grata* для эмигрантов. Принципы, изложенные Гоббсом, казались Кларендону неприемлемыми, к их критике он вновь и вновь обращался.

Начальное образование Эдвард получил в доме отца, обучал его приходский викарий, до занятия этой церковной должности бывший школьным директором. О нем у Кларендона не сохранилось теплых воспоминаний; он называл его человеком равнодушным, и полагал, что его настоящим учителем был отец, обладавший огромными знаниями и находивший удовольствие в занятиях с сыном. Будучи младшим сыном, Эдвард мог рассчитывать главным образом на самого себя. Генри Хайд полагал: для его младшего сына лучший способ найти профессию состоял в получении богословского образования в Оксфорде. Там, в колледже Святой Магдалены обучался он сам, там обучался один из его братьев. Туда же он отправил старшего сына Генри, а затем в тринадцатилетнем возрасте и Эдварда. В течение трех лет братья пре-

³ Суждения о стиле Кларендона различны: одни авторы называют его «блестящим», другие витиеватым и сложным для восприятия.

бывали там вместе. От поступления в Оксфорд у Эдварда, ставшего после реставрации канцлером университета, осталась обида. Отец надеялся, что сын получит стипендию, тем более поддержку оказал сам Яков I, подписавший письмо-рекомендацию. Однако ее не дали, объяснив, что королевское письмо опоздало. Стипендию не дали и на будущий год, сославшись на отсутствие вакансий. Хайд в своей книге представил этот эпизод как проявление неуважения к монарху.

Ранний возраст, когда Хайд стал студентом, удивителен для нашего времени, но тогда это не было из ряда вон выходящим. В те времена студентами двух знаменитых университетов, Оксфордского и Кембриджского, могли стать выходцы из разных слоев общества, разумеется, за исключением бедняков. Лиц без достаточных средств, рассчитывавших после обучения получить доступ к церковным должностям и скромному жалованью, было не очень много, по некоторым данным, примерно четверть общего числа студентов (Кембридж). В XVII веке направлять сыновей знати и состоятельного джентри в Оксфорд становилось все более распространенной практикой. Считалось, что дисциплина в университетах была строгой: телесные наказания для студентов были отменены только в годы Реставрации. Основной упор в преподавании делался на риторику, логику и классические тексты, но и сочинения мыслителей XVI века, например, Макиавелли и Бодена были известны слушателям. Тьюторы рекомендовали знакомиться с современными философами, такими, как Френсис Бэкон или Рене Декарт. По желанию студентов обучали танцам и верховой езде, также французскому и итальянскому языкам. А вот естественные дисциплины не изучались, научные и математические вопросы только затрагивались в традиционных курсах. Научные исследования не считались обязанностью преподавателей – Королевское общество, основанное при Карле II, вносило в науку больший вклад, чем оба университета вместе. Именно тогда, когда Хайд обучался в Оксфорде, в 1624 году, там был основан новый колледж, названный Пемброк в честь тогдашнего канцлера королевства. Оксфорд в стюартовское время воспринимался как более древний, выдающийся и консервативный университет, чем Кембридж.

В адрес студентов часто звучали упреки, что они бездельничали, распутничали и растрачивали время в праздности. Трудно сказать: то ли студенты того времени действительно отличались этим, то ли, скорее всего, такого рода бурчания по поводу молодежи никакое поколение не избегло. Как бы то ни было, Хайд не раз слышал от разных людей, будто ему повезло, что отец рано забрал его из Оксфорда, хотя сам он «всегда придерживался высокого мнения» об этом университете. Он заключил, что получил степень бакалавра не столько благодаря трудолюбию, сколько способностям и сообразительности, поскольку «дисциплина в то время не была такой строгой, как потом, а привычка к выпивке слишком широко распространилась», так его брат излишне увлекся этим [10, 12]. Можно догадаться: сам Хайд, впервые почувствовав свободу, не гнушался таким времяпрепровождением. По-видимому, опытом тех лет была продиктована фраза в его эссе «О пьянстве», написанном на склоне лет: «Самые способные люди, если неумеренно пьют, за несколько лет становятся глупцами» [5, 109].

В 1625 году, сразу после воцарения Карла I, в семье Хайдов произошло печальное событие: скончался Генри, старший брат Эдварда. Теперь он остался единственным по мужской линии прямым наследником отца. Генри-старшему пришлось поменять намерения в отношении сына – было решено послать его в Лондон, в адвокатскую школу Мидл Темпл, одну из школ корпорации юристов Инс оф Корт. Эта корпорация, а не Оксфорд с Кембриджем, была в XVII веке настоящим университетом. В то время Эдварду помог дядя Николас, высокопоставленный юрист. В Мидл Темпл он был казначеем, а вскоре получил назначение Верховным судьей Королевской скамьи. Его обязанности заключались в поездках по стране для осуществления правосудия. По мнению Хайда, он как нельзя лучше подходил для исполнения своих обязанностей в то время, когда многие были недовольны постоянными войсками, был человеком серьезным и строгим, пользовавшимся доверием и уважением со стороны высокопоставленных лиц, с

которыми был связан. Он пользовался известностью в стране, был уважаем судьями, хотя у некоторых «вызывал ревность и предубеждение». И рыцарским званием, и назначением на высокую судебную должность сэр Николас был обязан всесильному фавориту короля герцогу Бекингэму, у многих вызывавшему недовольство и даже ненависть. Николас Хайд сочинил в 1626 году ответ герцога на обвинения со стороны палаты общин. Он умер в 1631 году, заразившись лихорадкой во время одного из выездных судебных процессов. Итак, сэр Николас обеспечил племяннику протекцию, когда тот ступил на юридическое поприще. Правда, с переездом в Лондон случилась неожиданная задержка. В стране началась чума, и вместо отъезда в столицу Эдвард завершил обучение в университете, получив степень бакалавра и совмещая это с поездками в имение отца.

Насколько обычным было образование, полученное Хайдом, для людей его круга? Современные исследования в области социальной истории образования показывают, что путь, им пройденный, был в целом типичен для сыновей джентри. Данные исследователей по пяти графствам Англии (Уилтшир не в их числе) за период с 20-х до 60-х гг. XVII века, показывают: примерно 14 % сыновей джентри проходили обучение в Оксфорде или Кембридже, 9 % в Инс-оф-Корт, 5 % и в одном из этих университетов, и в юридической школе. Все, кто сменил место учебы, двигались, как и Хайд: из университета в Инс-оф-Корт. Случаев обратной последовательности не зарегистрировано. Только часть тех, кто обучался в университетах, получили степень: 35 % степень бакалавра и 25 % магистра. Для сыновей джентри Инс-оф-Корт «служил той же цели, что и университет, предоставляя социальные, культурные и интеллектуальные возможности. Знание законов было признано как полезное украшение для джентльмена в раннее новое время, помогающее играть частную и публичную роль. В то время как для многих юридические корпорации были не более чем подспорьем для расширения социальных связей и приобретения доли столичного глянца, для некоторых изучение законов стало базой для карьеры» [106, 46

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.